

A. МАНСУРОВА

РИТУАЛ КАК УСЛОВИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В учении Конфуция, изложенном в трактате «Лунь юй» («Суждения и беседы»), основное место занимают проблемы этики и морали, нравственного совершенствования человека. Поэтому, в данной статье предпринята попытка анализа понятия ритуала, как основы общественного устройства и индивидуального совершенствования человека.

Согласно конфуцианству, в обществе действует принцип *жэнь* (гуманность, человеколюбие), закон идеальных отношений между людьми, ниспосланный небом – высшей духовной силой, определяющей судьбы человека и природы. *Ли* и *жэнь* – это, по существу, культура и духовность. *Ли* – это культурное выражение человеческих

внутренних порывов. Человек развивается «изнутри вовне»: сущность его, как человека, его индивидуальность, называемая «духовным началом», должна находить свое выражение в культуре, в традициях и обрядах, ритуале. Поэтому идея духовности, т.е. стремления к искреннему действию, бескорыстному добродеянию незаметно была подменена в учении Конфуция идеей культурности (внешней правильности поведения). Однако культурность, ритуальность без духовной крепости легко может подвергнуться разрушению – когда в человеке внезапно закипают те или иные природно-инстинктивные проявления: ярость, гнев, ревность, страх. Иными словами, ритуал – это, конечно, инструмент, по-

зволяющий обуздывать природные инстинкты человека, но инструмент, не гарантирующий полной и прочной гармонии в его внутреннем мире. Только воспитав, сформировав, развив в себе духовные основы, прежде всего – начала человеколюбия, личность может развиваться, стабильно и гарантировано.

На вопрос «Что же такое человеколюбие?» Конфуций отвечал: «Любовь к людям» /1/, и это стало принципом в истории китайской этики. Впрочем, надо отметить, что провозглашенное Конфуцием понятие «любовь к людям» носит в определенной степени абстрактный, слишком всеобъемлющий, не специфицированный характер и в результате в конфуцианском учении по временам возникают логические противоречия или, по крайней мере, неясности. Конфуций говорит, к примеру: «Только обладающий человеколюбием может любить людей и ненавидеть людей» /2/, но из этого следует парадоксальный вывод: если любящий всех может ненавидеть людей, то, следовательно, он не в состоянии любить всех /3/.

Тем не менее, дух гуманности просматривается в раннем конфуцианстве с очевидностью. На вопрос Чжун Гуна: «Что такое любовь?» Конфуций отвечал следующим образом, характеризующим всю суть его понимания человека и его взаимоотношений с другими людьми. Вне дома будь таков, каков бываешь, когда встречаешь знатного гостя; обращайся с народом с чувством благоговения, которое проникает в тебя во время великого жертвоприношения. Чего тебе не желаешь, не делай другим. Чтобы ни в государстве, ни дома никто на тебя не роптал. Любовь есть сдержанность в словах; при трудности в исполнении, разве можно обойтись без сдержанности в словах? Для усвоения *жэнь* человек должен соблюдать *ли* – нормы общественного поведения, предусматривающие соблюдение традиций, обрядов, почитание предков, почтительное отношение к старшим и *совершенствование* в этих качествах. Конфуций попытался обратить внимание на то, что подлинные,ственные именно человеку способности имеют магический характер. В его задачу входило то, чтобы по-новому подойти к очевидной значимости человеческого существования. Но где может быть найдена новая тропа к уже известно-

му? Конфуций находит эту тропу: ею оказывается именно понятие *ли* – ритуал. Надо усиленно и долго трудиться, чтобы научиться *ли*. По своей этимологии это слово восходит к понятию «сакрального ритуала», «священной церемонии». Помощью языка и образности *ли*, учение Конфуция охватывает всю совокупность нравов – подлинную традицию и разумные социальные условности. Конфуций учил, что способность действовать в соответствии с *ли* и готовность подчиняться *ли* определяют суть совершенной, свойственной человеку добродетели.

Таким образом, Конфуций, во-первых, привлекает внимание ко всему комплексу условностей и традиций, во-вторых, призывает понимать это метафорически, используя образ священной церемонии, сакрального ритуала. Человек обретает свою человеческую подлинность, когда его стихийные порывы под воздействием *ли* принимают определенную форму. А *ли* является собой исполнение человеческих порывов, их культурное выражение. *Ли* образует форму динамичного взаимоотношения людей, придающую им человеческие черты. Овладев церемонией, каждый в ней делает то, что ему полагается в соответствии с определенным образцом. Жесты людей гармонично согласуются друг с другом, хотя для этого никто из них не должен применять силу, требовать, заставлять или делать что-либо специально. Все жесты плавно следуют один за другим, без усилия со стороны участников церемонии. Отсутствие условий нельзя рассматривать как нечто происходящее «механически» или «автоматически». В противном случае церемония, как на это постоянно указывает Конфуций, оказывается мертвой, пустой; в ней нет духа. Когда заступает подлинная ритуальность, она становится разновидностью спонтанности: ритуал совершается «сам по себе». В нем заключается жизнь, потому что те, кто в нем участвуют, исполняют его со всей искренностью и серьезностью. Прекрасное и результативное совершение ритуала требует, чтобы личное участие сочеталось с ритуальным мастерством. Это соединение составляет подлинное *ли* как сакральный ритуал.

По Конфуцию, без *жэнь*, нет *ли*, тогда как *ли* есть основа, и человека, и общества, и государства. Обратим внимание на изменение смысла и содержания важнейшей ритуальной категории –

ли. В начале эпохи Чжоу в Китае знаком *ли* обозначали важнейшие ритуальные обряды, которые можно обнаружить как в надписях на бронзовых сосудах, так и в ранних текстах, «Шу-цзин» и «Ши-цзин». Позже понятие *ли* постепенно эволюционировало в сторону обозначения некоей общепризнанной этической нормы, сохраняющей в себе с дэ элемент ритуальной сакральности. При переводе текста «Лунь юй», знак *ли* воспринимается как «правила». Лучше всего о десакрализованном *ли* говорят следующие фразы: «Учивость без *ли* превращается в суеверность, осторожность без *ли* оборачивается робостью, смелость без *ли* ведет к смуте, а прямота преображается в грубость» /4/; «Тот, кто не знает *ли*, не может твердо стоять» /5/; «Когда твердят *ли*, ли, разве это не только принесение в жертву нефрита и щелка?» /6/. В этом афоризме бросается вызов старому сакральному смыслу термина *ли*. *Ли* – это не принесение в жертву чего-либо ценного, а нечто совсем иное. *Ли* – это правила жизни, нормы поведения, умение строить свои взаимоотношения с другими должным образом. В какой-то мере *ли* остается обрядом, но этот обряд очищен от сакральности, он превратился в символ правильной нормы и в знак вежливого, должного отношения между людьми.

Таким образом, в конфуцианстве вводится новая дисциплина, изучающая церемонии. В основу данной дисциплины были положены структура и характер отношения «отец-сын». Отец и учитель должны быть как можно более строги, потому что только это может подготовить юношу к самостоятельной жизни. С идеей сыновней почтительности тесно связано и учение о почтении к старшим, а вместе с тем устанавливаются и нормы поведения для всего общества в целом. Но и почтительность, и уважение к старшим, и устройство дома и семейных отношений – все это подчинено в конфуцианстве одной общей цели, а именно поддержанию государства, службе правительству. Первое требование от чиновника – это верность престолу.

Конфуция глубоко интересовала жизнь человека. Поэтому одной из главных идей Конфуция было понимание человеческой гуманности, выраженное в образе *ли*. Конфуций находил, что хорошо усвоенный обычай отличает человека от животного и неживой природы. Он видел, какая

человечная по своему характеру сила присуща условным нормам поведения, отличающимся от насилия, угроз и приказов. Конфуций понимал, что человеческое достоинство и связанная с ним сила могут определяться в терминах священного ритуала, церемонии, ибо церемония является условным видом деятельности, в которой подчеркиваются внутренняя гармония, красота и святость. Конфуций ясно выразил новый идеал на языке образов священного ритуала и церемонии, а они, в свою очередь, соотносятся с формами поведения, укорененными в древней традиции. Какие бы психологические и иные объяснения этому не давались, остается несомненным: торжественность ритуала, вызываемый им в душе человека отклик, исходящий из архаических, глубинных слоев психики, никогда не будут присущи таким образам поведения или жестам, которые воспринимаются как новые, изобретенные.

Как человек, занимавшийся политикой, Конфуций понял, что в условиях социального кризиса в качестве существенной основы социально-политического единства может выступать лишь единство культуры. Конфуций, как антрополог в философии, утверждал жизнь, переживаемую в образе церемониального действия как необходимое и достаточное условие подлинной человечности. Из этого понимания следует, что социально-политическое единство должно быть церемониальным. И это, в свою очередь, требует обращенности культуры к традиции как существенной основе, из которой вырастает церемониал. Традицией обладают, ее не выбирают и не создают по необходимости. Нельзя представить идеал в форме традиции, иначе, как только через возрождение древней законной традиции. Конфуций был прав, считая, что для духовного развития, для осуществления принципа гуманности, а также для поддержания исторического единства культуры, надо исполнять определенные правила, определенный ритуал, определенные приемы и методы. Догматизация тех или иных учений способствовала их долговечности. Философия Востока, быть может, потому благополучно и просуществовала, тысячетелая, что почти не менялась, была догматичной.

Таким образом, Конфуций признавал, что социальная гармония покоятся на личностных

опорах. Причем особое значение имеет мудрое, великодушное правление, другими словами – компетентность и целостность власти. Конфуций считал, что такая целостность может быть укреплена, если почтительно соблюдать древние государственные обряды. Эти ритуалы, полагал он, укрепляют стойкость и искренность всех вовлеченных в них людей. Можно сказать без особого преувеличения, что Конфуций был первым социологом. По его убеждению, традиционные обряды и церемонии благотворно влияли на общество. Кроме того, философ верил в практическую необходимость личной добродетели правителей и государственных служащих. Хотя учение Конфуция имеет целью подготовку к государственной службе, не меньшее внимание в нем уделяется воспитанию личности. Конфуций учил, что самовоспитание личности, его совершенствование включает в себя достижение необходимого компромисса между собственными желаниями и нуждами общества. То, и другое не обязательно должно противостоять друг другу, но они могут взаимодействовать. Общество, не дающее личности возможности процветать – несправедливое, и его необходимо переделать. С другой стороны, личность, не поддерживающая общество, поступает неправильно и должна изменить свое поведение. Согласно Конфуцию, лучшее руководство в деле достижения гармонии между личными нуждами и желаниями и интересами общества содержится в ритуалах. Обряды напоминают человеку, что существуют вещи более важные, чем отдельно взятая личность. Они акцентируют внимание на то, что существуют более высокие цели и задачи, помимо очевидных. Конфуций утверждал, что, когда каждый член общества осознает, и будет уважать эти высшие цели, общество обретет гармонию. При подобном подходе обыденная жизнь и повседневная работа также приобретают религиозную значимость, и каждый вовлеченный в этот процесс будет стремиться посвятить себя достижению общей цели.

Чэн И – философ-идеалист, дополнил понятие *ци* (материя) понятием *ли* и настаивал на том, что первостепенная роль принадлежит *ли*. Под термином *ли*, он понимал всеобъемлющее начало, подобное дереву, корень, ствол и ветви которого образуют единую последовательность. *Ли*

принадлежит первое место, а *ци* – второе, поскольку оно лишь материал для воплощения *ли*. Вследствие этого возникают многообразные отступления от первоначальной доброты – порочные наклонности и безнравственные поступки. В конфуцианском трактате «Мэн-цзы» «совершенствование тела-личности» выступает одним из главных условий «утверждения правильного предопределения (мин) наряду с «отсутствием различия ранней смерти или долголетия», т.е. погони за продлением жизни, чреватой отступлением от морального долга; «исчерпать свой путь и умереть – это и есть правильное предопределение». Соответственно «правильное предопределение» может нести страдания и раннюю смерть – «правильным» его делают неуклонное следование моральному долгу и самосовершенствование. Эта идея стала одной из составляющих идеологемы «трех ценностей» – Неба, Земли и Человека, подразумевающей призвание индивидуума «стать вровень с Небом и Землей», чтобы добиться максимального «умиротворения Поднебесной». Темы «самосовершенствования» и «утверждения правильного предопределения» в последующей конфуцианской мысли были сопряжены с проблемой реализации человеческой «индивидуальной природы» – *син*.

Сюнь-цзы же считал, что совершенствование человека должно начаться не в юности, а в зрелом возрасте, когда человек вполне осознанно перевоспитывает себя. В главе второй говорится о *цзюнь-цзы*, который любит и ценит добро и идет по пути к добру^{7/}. Все это помогает человеку совершенствоваться. Конечная цель такого самосовершенствования – выработка самостоятельного умения сдерживать себя.

Что же является главным в этом процессе? Умение тренировать и ставить в нужные рамки ту самую жизненную силу, энергетическую частицу – *ци*, благодаря которой все живое живет. «Искусство обуздывать свои *ци* и тренировать ум сводится к следующему: если у вас буйный нрав, смягчите его гармонией; если вы черезчур энергичны, компенсируйте это обходительностью; если вы слишком торопливы, действуйте с осторожностью; если ваш ум ограничен, расширите свой кругозор; если излишне искренни и прямы, умеряйте свои *ци* ритуалом и музыкой. В умении воспитывать свои *ци* и свой ум нет более важно-

го, чем соблюдать ритуал – ли... это и называется искусством обуздывать свои *ци* и тренировать ум /8/.

Перед нами развернутая инструкция по психотренингу, который необходим для людей, желающих окончательно искоренить в себе недостатки врожденных пороков и, преодолев все их, стать близким к совершенству.

Таким образом, Сюнь-цызы обращает все свои поиски совершенства в сторону самовоспитания, умелого и строго направленного личностного психотренинга. Если для Мэн-цызы нарушение этической нормы сводилось преимущественно к проблемам социальной несправедливости, то у Сюнь-цызы достижение этического совершенства – дело каждого осознавшего такого рода необходимости. В этом плане он ближе к Конфуцию, который тоже делал главный упор в воспитании цюнь-цызы именно на этом. Основоположники неоконфуцианства в XI-XII вв., следуя установке Мэн-цызы на исходную «доброту» «природы» человека, отождествляли последнюю со структурообразующим «принципом» *ли* мироздания. Однако он полностью тождествен только исклучительно «доброй» «природе Неба и Земли». Она всегда присутствует в человеке, но на нее насливается приобретаемая в течение жизни «природа телесной сущности пневмы». Выявление в человеке «природы Неба и Земли» и составляет суть должного преобразования личности.

Согласно одному из основоположников неоконфуцианства Чжан Цзаю, «совокупное небесное предопределение пронизывает индивидуальную природу и доходит в ней до предела», т.е. неотделимо от нее благодаря единой «пневме» – *ци*, в которой проявляют себя все сущности, в том числе *син* и *мин*. Отсюда – целью человека должно быть достижение гармонии с миром. Чжу Си, создатель всеобъемлющей философской системы, объявил *син* (изначальную природу) доброй. Чжу Си должен был найти источник зла и существования моральных различий между людьми. Возникновение зла коренится в затуманиении, искажении, загрязнении индивидуальной природы человека. Проявляется это в нарушении внутренней гармонии, баланса нравственных качеств: их недостаток, излишек одного, искажение ведут ко злу. Из возможности отклонения от гармонии вытекает, по утверждению Чжу Си, необходи-

мость для человека быть бдительным, искоренять в самой основе эгоистические устремления, подчинять чувства, желания разуму, стремиться к «серединному состоянию», «гармонии», «совершенству во внутреннем мире». Достигнув совершенства во внутреннем мире, человек обязан обратиться к миру внешнему не как созерцатель, а как деятель. Различие в *ци* чжэси (индивидуальная природа) обуславливает различие способностей, в том числе способностей к совершенствованию в управлении. Этика Чжу Си, как и многих конфуцианцев, определила характер и направленность нравственного совершенствования. Практическая задача конфуцианцев о человеке заключалась в том, чтобы, противопоставляя идеи даосов, повернуть людей на духовное совершенствование личности. Поэтому они критиковали даосизм за ложность и ограниченность их теории. Прежде всего, конфуцианцы подчеркивали различие в конечной цели. Это различие определяется соотношением феноменального мира и абсолюта. Так как учение даосизма об абсолюте ведет к отрицанию действительного мира. Напротив, у конфуцианцев всепроникающий абсолют – принцип *ли* – повышает ценность явлений окружающего мира тем, что присутствует в каждом.

В свете сказанного следует сделать вывод, что заслуги Конфуция и конфуцианства, всех, кто создал и веками распространял это учение, неоценимы. Именно они создали то, что на протяжении последних двух с половиной тысячелетий всегда было Китаем, что остается Китаем сегодня. Конфуций положил начало реформам в интеллектуально-духовной сфере древнекитайского общества. Эти реформы оказались эффективными и начали реализовываться достаточно быстрыми темпами. Появилось множество философских школ и учений. Хотя некоторые из них не соглашались с конфуцианством, а порой решительно его отвергали,вольно или невольно они несли в себе частицу конфуцианства. Ведь конфуцианское во многом стало настолько китайским, что отличить одно от другого было просто невозможно.

Таким образом, в XXI веке, когда перед Казахстаном стоит проблема открытости Западу и нахождения собственного пути модернизации, Казахстан должен вырваться вперед и пойти сво-

им особым путем во многом благодаря именно новому взгляду на прошлое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лунь юй, XV.
2. Лунь юй, V.
3. История китайской философии. М., 1989. С.64-65
4. Лунь юй, VIII,II
5. Лунь юй XX,II
6. Лунь юй XVII,XI
7. Сюнь-цыы, Пекин, т.2. 1956.-с.12
8. Сюнь-цыы, Пекин, т.2. 1956.-с.15-16

Резюме

Конфуций іліміндегі қасиетті ритуал *ли* үұмыры талдауга өрекет жасалады. Адам стихиялық үмтұлыстар лидің әсерінен белгілі бір формага ие болған кезде өзінің адами мәнін табады. Ал *ли* адами үмтұлыстардың орындалуын, олардың мәдени көрініс беруін білдіреді, адамдардың динамикалық қарым-қатынасының формасын құрайды. Осыдан қоғамдағы орнықтылықты және басқа да мәдениеттілік жасаушы факторлар, сабактастық процесі үшін маңызды салдарлар пайда болады.

Summary

The author of this article tries to analyze the concept of holy ritual “*li*” in the teaching of Confucius. A man gets his humane reality when his natural impulses take some form under influence of “*li*”. And “*li*” is the realization of human impulses, their cultural expression and forms dynamic interrelations of people – it gives them humane features. This has important effects for the process of heritage in history, for stability in society and other culturogenetic factors.